

Ролд Даль

ROALD DAHL

Данни, чемпион
мира

СКАЗОЧНИК
№1
В МИРЕ

Иллюстрации Квентина Блейка

Роальд Даль. Фабрика сказок

Роальд Даль

Данни, чемпион мира

«Самокат»

1975

УДК 821.111-34-93 Даль Р.
ББК 84(4Вел)-4

Даль Р.

Данни, чемпион мира / Р. Даль — «Самокат», 1975 — (Роальд Даль. Фабрика сказок)

ISBN 978-5-91-759854-3

Смогут ли Данни и его папа перехитрить подлого мистера Фундукка?..
Всякий мальчик хотел бы жить, как Данни. Ещё бы, у него вместо дома
цыганская кибитка, он самый юный из всех юных автомехаников, а его
лучший друг – собственный папа, который знает столько чудесных историй!
Но однажды ночью Данни вдруг узнаёт страшную тайну о своём папе, которую
тот скрывал от сына целых девять лет. И вот, неожиданно для себя, Данни
оказывается вдохновителем и организатором невероятного заговора против
чванливого Виктора Фундукка, местного богатого землевладельца. Если у них
всё получится, Данни станет чемпионом мира!

УДК 821.111-34-93 Даль Р.

ББК 84(4Вел)-4

ISBN 978-5-91-759854-3

© Даль Р., 1975

© Самокат, 1975

Содержание

Знакомтесь...	5
1	8
2	13
3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Роальд Даль

Данни, чемпион мира

*Эта книга посвящается всей семье:
Пат, Тессе, Тео, Офелии, Люси*

Знакомтесь...

Данни

Его папа

Док Спенсер

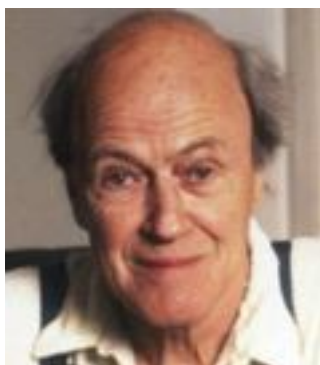

**Мистер
Кроллет**

Миссис Клиштон

Danny the champion of the world – Text copyright © Roald Dahl Nominee Ltd., 1975
Illustrations Copyright © Quentin Blake, 1994
© Евгения Канищева, перевод на русский язык, 2016
© ООО «Издательский дом “Самокат”», 2016. Издание на русском языке

1

Автозаправка

Когда мне было четыре месяца от роду, моя мама внезапно умерла, и папа остался со мной на руках один-одинёшенек. Я тогда был вот таким:

Ни братьев, ни сестёр у меня не было.

Так что всё моё детство, начиная с четырёх месяцев, мы жили вдвоём: папа и я.

Мы жили в старой цыганской кибитке за автозаправкой. Автозаправка, кибитка и небольшое поле за ней принадлежали папе – вот и всё, что принадлежало ему в этом мире. Это была очень маленькая автозаправка на узкой просёлочной дороге среди полей и лесистых холмов.

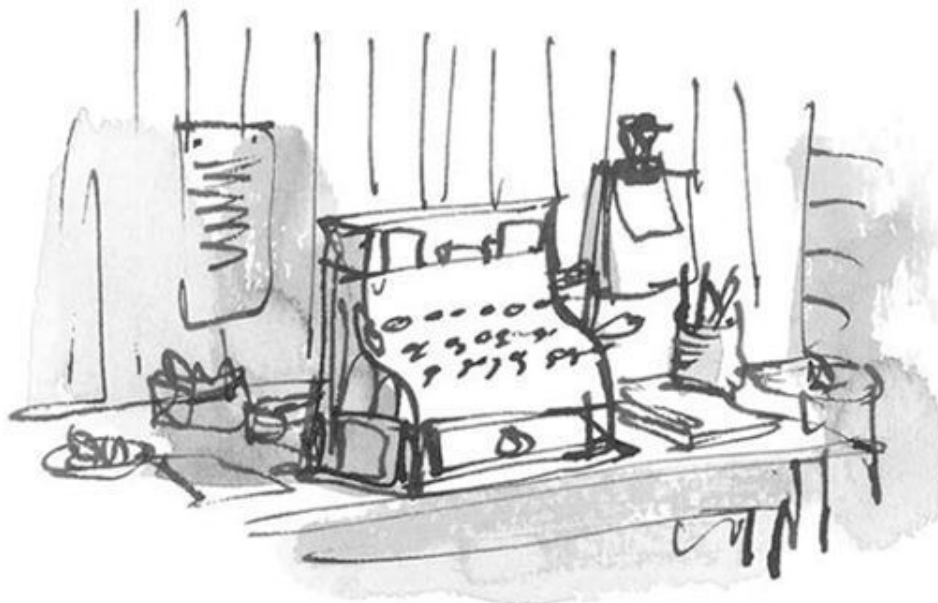
Пока я был младенцем, папа купал меня, и кормил, и менял мне пелёнки, и делал миллионы прочих вещей, которые обычно делают мамы. Для мужчины это не так-то просто, особенно если ему ещё и приходится зарабатывать на жизнь ремонтом двигателей и заправкой бензобаков.

Но мой папа, похоже, был не против. Мне кажется, когда мамы не стало, всю свою любовь к ней он обрушил на меня. В раннем детстве я ни единой секунды не был несчастен или болен. Вот так я выглядел в свой пятый день рождения:

Как видите, я с головы до ног перепачкан смазкой и машинным маслом, но это потому, что я целыми днями пропадал в мастерской, помогая папе возиться с автомобилями.

На нашей заправке было всего два бензонасоса. За ними стоял деревянный сарай, служивший конторой. В конторе ничего не было, кроме старого стола и кассы, в которую складывались деньги. Касса была из тех, где нажимаешь кнопку, внутри что-то звякает, и со страшным грохотом выезжает лоток для денег. Мне это нравилось.

Справа от конторы располагалось квадратное кирпичное строение – мастерская. Папа строил её сам, любовно и тщательно, и это было единственное по-настоящему прочное сооружение в наших владениях. «Мы с тобой инженеры, ты и я, – бывало, говорил он мне. – Починка моторов – это наш хлеб, а в развалюхе хорошую работу не сделаешь». Мастерская у нас была замечательная, туда легко входил один автомобиль и оставалось полно места по краям для работы. Ещё там был телефон, чтобы клиенты могли заранее договориться о ремонте.

А в кибитке жили мы, и она была нам родным домом. Это была настоящая старая цыганская кибитка с большими колёсами, вся красиво разрисованная жёлтыми, красными и голубыми узорами. Папа говорил, ей лет сто пятьдесят, не меньше. Немало цыганских детишек, говорил он, родились и выросли в её деревянных стенах. Когда-то давно наша кибитка, запряжённая конём, прогромычала, должно быть, тысячи миль по дорогам и тропинкам Англии. Но теперь её странствия были окончены, деревянные спицы в колёсах начали гнить, и папа подпёр её снизу кирпичами.

В кибитке была только одна комната, не многим больше приличной ванной в современных квартирах. Комната была узкая, как и сама кибитка, и вдоль дальней стены располагались две койки, одна над другой. Верхняя койка была папина, нижняя – моя.

Хотя в мастерской у нас было электричество, провести его в кибитку нам не разрешили. Электрики сказали, она такая старая и шаткая, что в ней опасно прокладывать электропроводку. Поэтому мы обогревали и освещали своё жилище примерно так, как это делали за много лет до нас цыгане. У нас была печь, зимой мы топили её дровами, и из трубы над крышей кибитки шёл дым. Ещё у нас была керосинка, на которой мы кипятили чайник или варили рагу, а с потолка свисала керосиновая лампа.

Когда мне нужно было помыться, папа грел в чайнике воду и наливал в корыто. Потом раздевал меня, ставил в это корыто и тёр с головы до ног. Думаю, в результате я становился таким же чистым, как если бы принял ванну, – а может, и ещё чище, потому что не сидел после мытья в грязной воде.

Из мебели у нас были два стула и стол, да ещё крошечный комод; это и был весь наш домашний уют. И нам вполне хватало.

Туалетом нам служил смешной деревянный домик в поле за кибиткой, чуть поодаль. Летом всё было хорошо, но зимой, в снег, сидеть в этом домике было всё равно что в холодильнике, доложу я вам.

Прямо за кибиткой росла старая яблоня. Вкуснейшие яблоки созревали к середине сентября, и потом их можно было собирать ещё целый месяц. Некоторые ветки нависали над крышей кибитки, и, когда ночной ветер сбивал яблоки с дерева, они приземлялись на крышу. Я лежал в койке и слышал над головой *бум... бум... бум...* – но мне не было страшно, потому что я точно знал, что это за звуки.

Мне очень нравилось жить в этой цыганской кибитке. Особенно вечерами, когда я лежал, укутанный в одеяло, а папа рассказывал мне сказки. Керосиновая лампа была прикручена, я видел раскалённые докрасна поленья в старой печи, и до чего же чудесно было лежать так в тепле и уюте в собственной постели в нашей комнатушке. А чудеснее всего было знать, что, когда я усну, папа по-прежнему будет тут, совсем рядышком, на своём стуле у огня или в койке прямо над моей.

2

Большой и Добрый Великан

Мой папа, вне всякого сомнения, был самый расчудесный и восхитительный папа на свете. Ни у одного мальчика не было такого папы. Вот вам его портрет:

Те, кто не знал его близко, могли подумать, что он человек серьёзный и угрюмый, – но нет, он таким не был. На самом деле он был ужасно весёлый. А серьёзным он выглядел потому, что никогда не улыбался губами. Он улыбался одними глазами. Глаза у него были ярко-голубые, они вспыхивали, когда он думал о чём-нибудь смешном, и, если всмотреться, было хорошо видно, что в зрачках пляшут крошечные золотые искорки. Однако губы его при этом не шевелились.

Я был рад, что папа улыбается одними глазами. Это значило, что он никогда не улыбался мне фальшивой улыбкой, потому что глаза не станут искриться, если ты не искришься сам. Улыбка ртом – совсем другое дело. Её можно запросто подделать: изогнул губы, и всё. И, кстати, я понял, что настоящая улыбка ртом невозможна без улыбки глазами, так что, если кто-то улыбается вам одними губами, а глаза остаются прежними, – будьте настороже. Он точно притворяется.

Моего папу вы бы не назвали образованным. Вряд ли он за всю свою жизнь прочитал хотя бы два десятка книг. Зато какой он был рассказчик! Каждый вечер он сочинял мне новую сказку, а самые лучшие превращались в сериалы с продолжением.

Одна из них, которая растянулась на полсотни вечеров, если не больше, была про Большого и Доброго Великана, сокращённо БДВ. Этот БДВ был втрое выше обычного человека, и ладони у него были размером с тачку. Он жил в огромной подземной пещере недалеко от

нашей заправки и выбирался наружу, только когда темнело. А в пещере у него была порошочная фабрика, где он производил больше сотни разных видов волшебных порошков.

Когда папа рассказывал сказки, он иногда расхаживал по комнате взад-вперёд, размахивая руками и шевеля пальцами. Но чаще он сидел на краешке моей койки и говорил очень тихо.

– Большой и Добрый Великан делает свои волшебные порошки из детских снов, – рассказывал он.

– А как? – спросил я. – Как он их делает, папа?

– Сны, мой мальчик дорогой, – это очень загадочная вещь. Они летают в ночном воздухе, как крошечные облачка, и ищут спящих.

– А сами они при этом заметны? – спросил я.

– Нет. Они совершенно невидимы.

– Тогда как же Большой и Добрый Великан их ловит?

– Вот именно, – сказал папа. – Тут-то и начинается самое интересное. Понимаешь, в чём дело: сон, когда он пролетает в ночи, издаёт очень тоненькое жужжание, даже зудение, такое тихое, что ухо обычного человека его не различает. Но БДВ слышит его отлично. У него фантастический слух.

Мне нравилось, как папа пристально смотрел куда-то вдаль, когда рассказывал свои истории. Лицо у него делалось бледное, неподвижное и отрешённое, и он не замечал ничего, что было рядом.

– БДВ, – продолжал он, – слышит поступь божьей коровки, когда она ползёт по листу. Он слышит, как под землёй перешёптываются на бегу муравьи. Слышит, как вскрикивает от боли дерево, когда дровосек наносит удар топором. Вокруг нас, мальчик мой, целый мир звуков, которых мы не слышим, потому что наши уши недостаточно чутки.

– А когда он поймает сон, что тогда? – спросил я.

– Тогда он бросает его в стеклянную банку и плотно затыкает пробкой, – ответил папа. – У него в пещере тысячи таких банок.

– А плохие сны он тоже ловит? Не только хорошие?

– Да, – сказал папа. – Он ловит и те, и другие. Но порошки делает только из хороших.

– А с плохими что он делает?

– Он их взрывает.

Не могу вам передать, как я любил папу. Когда он сидел рядом со мной на моей койке, я дотягивался до него и брал за руку, а он обхватывал мою ладошку своими длинными пальцами и крепко сжимал.

– А когда порошки готовы, что он потом с ними делает? – спросил я.

– Тёмной-тёмной ночью, – сказал папа, – он крадётся по улицам и ищет дома, в которых спят дети. БДВ такой высокий, что может заглядывать в окна второго и даже третьего этажа, и, когда он видит, что в комнате спит ребёнок, он открывает свой чемодан и...

– Чемодан? – переспросил я.

– У БДВ всегда при себе чемодан и труба, – объяснил папа. – Длинная и узкая, как фонарный столб. А в чемодане он носит порошки. Так вот, он открывает чемодан, выбирает самый подходящий порошок... высыпает его в трубу... просовывает трубу в открытое окно... и дует... и порошок разлетается по комнате... и ребёнок его вдыхает.

– И что тогда? – спросил я.

– И тогда, Данни, ребёнку начинает сниться восхитительный и поразительный сон... и когда в этом сне наступает самый восхитительный и поразительный момент... тогда волшебный порошок делает своё дело... и сон перестаёт быть сном... и становится явью... и вот ребёнок уже не спит в своей кроватке... он теперь там, где происходят события его сна... и он участвует в этих событиях... уже по-настоящему. А дальше я расскажу тебе завтра. Уже поздно. Спокойной ночи, Данни. Засыпай, мальчик.

Папа поцеловал меня, прикрутил фитиль нашей маленькой керосиновой лампы, и она погасла. Он уселся перед дровяной печкой, которая излучала в тёмной комнате ровное и красивое красное сияние.

– Папа, – шепнул я.

– Что?

– А сам ты видел Большого и Доброго Великана?

– Один раз, – сказал папа. – Всего один раз.

– Видел?! Где?

– Я стоял за нашей кибиткой, – сказал папа, – и была ясная лунная ночь, и я посмотрел вверх и вдруг увидел, как с вершины холма сбегает кто-то невероятно высокий. Он бежал вприпрыжку, гигантскими шагами, а за ним развевался чёрный плащ, как будто птичьи крылья. В одной руке у него был чемодан, а в другой – труба, и когда он добежал до высоченной живой изгороди на краю поля, то попросту через неё перешагнул.

– А ты испугался, папа?

– Нет, – ответил папа. – Только изумился. Это было странно, но не страшно. А теперь спи. Спокойной ночи!

3

Машины, воздушные змеи и воздушные шары

Папа был отличным механиком. Люди везли машины к нему на ремонт издалека, за много миль, вместо того чтобы завернуть в ближайшую ремонтную мастерскую. Папа любил моторы.

– Бензиновый двигатель – это чистое волшебство, – сказал он мне однажды. – Только представь: если взять тысячу разных металлических деталей, и соединить их особым образом, и накормить их маслом и бензином, и завести машину, то эти железяки вдруг оживают, начинают урчать, гудеть и реветь и приводят в действие колёса, и те начинают крутиться с сумасшедшей скоростью...

Конечно же, я тоже влюбился в моторы и машины. Вы не забывайте, что мастерская стала моей комнатой для игр ещё до того, как я научился ходить, – а куда же ещё было папе меня девать, чтобы я не оставался без присмотра? В мастерской он мог целый день за мной приглядывать. Моими игрушками были промасленные шестерёнки, пружины и поршни, которых в гараже было полным-полно, и я вас уверяю, играть с ними было куда интереснее, чем с той пластиковой ерундой, которую подсовывают детям в наши дни.

Так что учиться быть механиком я начал чуть ли не с рождения.

Но когда мне исполнилось пять, пришла пора задуматься о школе. По закону было положено в пять лет отправлять детей в школу, и папа это знал.

Я помню наш первый разговор про школу. Это было в мастерской, как раз в мой пятый день рожденья. Я помогал папе менять тормозные накладки на заднем колесе большого форда.

– Хочешь узнать кое-что интересное, Данни? – спросил вдруг папа. – Ты легко можешь стать лучшим в мире пятилетним механиком.

Ничего приятнее я от него ещё не слышал. Я был невероятно польщён.

– Тебе ведь нравится эта работа? – спросил он. – Нравится возиться с моторами?

– Ужасно нравится! – сказал я.

Он повернулся, посмотрел мне в глаза и ласково положил руку на моё плечо.

– Я хочу, чтобы ты стал великим механиком. Я буду тебя учить. А когда ты вырастешь, ты, я надеюсь, станешь знаменитым инженером-конструктором – это человек, который придумывает новые, лучшие двигатели для автомобилей и самолётов. А для этого, – добавил он, – нужно очень хорошее образование. Но я пока не хочу отправлять тебя в школу. Буду сам тебя всему учить, и в ближайшие два года ты научишься полностью разбирать и собирать небольшой двигатель, совершенно самостоятельно, без всякой помощи. А уж после этого сможешь пойти в школу.

Возможно, вы подумаете, что с папиной стороны это было безумие – делать из маленького ребёнка настоящего механика, – но только ничего безумного в этом не было. Я схватывал всё на лету и обожал учиться. И, к счастью для нас, никто не стучал в нашу дверь и не осведомлялся, почему я не хожу в школу.

Два года пролетели быстро, и, верьте – не верьте, в семь лет я и вправду умел разбирать небольшой двигатель и собирать его снова. Разбирать – в смысле, разбирать полностью: поршни, коленвал и всё прочее до мельчайших деталей. Так что настало время идти в школу.

Школа моя была в ближайшей деревне, в двух милях от нас. Своей машины у нас не было. Мы не могли себе её позволить. Но до школы было всего полчаса ходу, и я был ни чуточки не против прогулок пешком. Папа ходил со мной. Он настоял на этом. А в четыре часа дня, когда уроки заканчивались, он уже поджидал меня, и мы вместе шли домой.

Так и текла наша жизнь. Мой мир состоял из автозаправки, мастерской, кибитки, школы и, конечно, ближних лесов, полей и ручьёв. Но мне никогда не бывало скучно. С моим папой вообще невозможно было заскучать. Он был искромётный: замыслы, планы, идеи летели из него, как искры из-под точильного камня.

– Славный ветер сегодня, – сказал он однажды субботним утром. – В самый раз для воздушного змея. Давай сделаем змея, Данни!

И мы сделали змея. Папа научил меня, как соединить четыре тонких палочки в форме звезды, а поперёк вставить ещё две, как распорки. Потом мы разрезали его старую синюю рубашку и натянули ткань на каркас нашего змея. Потом приделали змею длинный хвост из нитки и навязали на неё в разных местах лоскутки – то, что осталось от рубашки. Мы нашли в мастерской моток бечёвки, и папа показал мне, как привязать её к каркасу, чтобы змей хорошо балансировал в полёте.

Мы с папой взяли нашего змея и поднялись на вершину холма, того, что прямо за заправкой. Мне с трудом верилось, что такая штуковина из палочек и обрывков старой рубахи способна летать. Я держал бечёвку, а папа держал змея – и в тот самый миг, когда он его отпустил, змей поймал ветер и взмыл ввысь, как гигантская синяя птица.

– Выпусти ещё бечёвку, Данни! – крикнул папа. – Давай! Сколько сможешь!

Змей поднимался всё выше и выше. Вскоре он превратился в крошечную синюю точку высоко-высоко в небе. Как здорово было стоять на вершине холма и держать в руках что-то такое далёкое и такое живое. Это далёкое и живое натягивало бечёвку, билось, трепыхалось, как большая рыба.

– Давай поведём его домой, – сказал папа.

Мы стали спускаться с холма, и я по-прежнему держал бечёвку, а на другом её конце змей всё так же яростно рвался в небо. На подходе к кибитке мы очень внимательно следили, чтобы бечёвка не запуталась в яблоневых ветвях.

– Привяжи его к лестнице, – сказал папа.

– И он будет держаться в воздухе? – спросил я.

– Будет, если ветер не утихнет, – ответил он.

Ветер не утих. И вы не представляете, что я вам сейчас расскажу. Наш змей продержался в воздухе всю ночь, и наутро, когда мы завтракали, синяя точка всё ещё плясала и пикировала

в небе. После завтрака я спустил змея на землю и аккуратно повесил на стенке мастерской – на будущее.

Вскоре после этого, одним чудесным тихим вечером, когда не было даже малейшего дуновения ветерка, папа сказал:

– Сегодня отличная погода для воздушного шара. Давай сделаем шар!

Папа наверняка запланировал это заранее, потому что, как выяснилось, он уже побывал в деревне в книжной лавке мистера Виттона и купил четыре больших листа папиросной бумаги и большую банку клея. Не прошло и пятнадцати минут, как с помощью всего лишь бумаги, клея, ножниц и куска тонкой проволоки он смастерил мне великолепный громадный воздушный шар. Он прицепил к нему снизу ватный комок, заткнул им отверстие – и воздушный шар был готов к запуску.

Когда мы вынесли его в поле за кибиткой, уже темнело. У нас с собой была бутылка денатурированного спирта и спички. Я высоко поднял шар, а папа присел под ним на корточки и тщательно пропитал спиртом ватный комок.

– Ну вот, – сказал он и поднёс к вате зажжённую спичку. – Крепко держи его с боков, Данни!

Из ваты вырвался столб жёлтого пламени – прямо в шар.

– Он же загорится! – выкрикнул я.

– Нет, – ответил папа. – Смотри!

Мы с двух сторон изо всех сил растягивали края воздушного шара, чтобы удержать их подальше от пламени, пока оно разгоралось. Но вскоре весь шар заполнился горячим воздухом, и опасность миновала.

– Почти готово! – сказал папа. – Чувствуешь, как он хочет взлететь?

– Да! – ответил я. – Да! Отпустим его?

– Пока нет. Погоди немного. Пусть он начнёт вырываться.

– Он уже вырывается! – сказал я.

– Пора! – крикнул папа. – Отпускаем!

Медленно, величественно и в абсолютной тишине наш чудесный шар поплыл в ночное небо.

– Летит! – заорал я, захлопал в ладоши и запрыгал. – Летит! Летит!

Папа был почти в таком же восторге, как я.

– Красавец, – сказал он. – Настоящий красавец. Никогда не знаешь, какими они будут, пока не запустишь. Не бывает двух одинаковых.

Шар поднимался всё выше, всё быстрее. Он был похож на волшебную шаровую молнию.

– А другие его увидят? – спросил я.

– Наверняка увидят, Данни. Он так высоко, что его должно быть видно на много миль вокруг.

– А они подумают, что это... что?

– Летающая тарелка, – сказал папа. – И вызовут полицию.

Лёгкий порыв ветра подхватил наш шар и понёс его в направлении деревни.

– Бежим за ним, – сказал папа. – Если нам повезёт, увидим, как он приземляется.

Мы побежали к дороге. Потом по дороге. Мы бежали и бежали.

– Садится! – крикнул папа. – Огонь почти погас!

Когда огонь погас, мы потеряли наш шар из виду, но примерно прикинули, на какое поле он сядет. Мы перелезли через ограду и помчались к тому месту. С полчаса мы впотьмах обыскивали поле, но шар так и не нашёлся.

На следующее утро я пошёл искать его один. Обыскал четыре больших поля и наконец нашёл. Шар лежал на краю поля, где паслось видимо-невидимо чёрно-белых коров. Коровы обступили шар и смотрели на него огромными влажными глазами. Но они его не тронули. Так что я принёс его домой и повесил рядом с воздушным змеем, на стене в мастерской, – на будущее.

– Ты можешь запускать змея и один, когда захочешь, – сказал папа. – А вот шар – нет. Это очень опасно. Шар можно запускать только со мной.

– Хорошо, – сказал я.

– Пообещай мне, что никогда и ни за что не будешь запускать шар в одиночку, Данни.

– Обещаю, – сказал я.

А ещё у нас был дом на дереве. Мы построили его на верхушке большого дуба, что рос в дальнем конце нашего поля.

А ещё был лук со стрелами. Лук был из молодого ясеня, длиной в четыре фута, а оперение стрел сделали из хвостовых перьев куропатки и фазана.

И были ходули, на которых я сразу вырос до десяти футов.

И бумеранг, который почти всегда возвращался и падал к моим ногам.

Но подарок на день рождения был даже лучше всего этого. Перед днём рождения мне целых два дня было запрещено заходить в мастерскую, потому что папа готовил сюрприз. И наутро в день рождения я увидел сногшибательную машину из четырёх велосипедных колёс и нескольких коробок из-под мыла. Это была не какая-нибудь таратайка: у машины были педаль тормоза, руль, удобное сиденье и мощный передний бампер на случай аварии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.